

Roza Alimpijewa

Роль системного анализа при установлении межъязыковой лексической эквивалентности : (на материале русских и польских цветообозначений синего тона)

Acta Polono-Ruthenica 9, 209-217

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Roza Alimpijewa
Kaliningrad

**Роль системного анализа при установлении
межъязыковой лексической эквивалентности
(на материале русских и польских цветообозначений
синего тона)**

Системные связи и отношения пронизывают, как известно, все языковые уровни без исключения. Но нигде они так не сложны, нигде так подчас не ускользают от взгляда исследователя, как на уровне лексико-семантических отношений. Эту мысль не раз высказывал В.В. Виноградов, считавший, в частности, что „вопрос о предметно-смысловых связях и лексической системе языка... один из самых трудных...”¹. „Сложность и своеобразие системной организации лексики, – отмечает И. Червенкова, – определяют особенности сопоставлений в этой области по сравнению с другими сферами языка”². Одной из таких особенностей является обязательность системного подхода, поскольку в сопоставительных исследованиях „речь идет не только о различиях и сходствах самих по себе, но и об отношениях, в которых находятся средства выражения, которыми располагают сравниваемые языки для обозначения идентичных предметов и явлений внеязыковой действительности”³. „Проблемы лексикологии (в том числе сравнительной), – указывает Р.М. Цейтлин, – не могут быть решены сопоставлением отдельных лексем, сравниваться должны определенные микросистемы”⁴.

---

¹ В. В. Виноградов, *Лексикология и лексикография*, [в:] *Избранные труды*, Москва 1982, с. 310.

² И. Червенкова, *К специфике сопоставительного исследования лексики близкородственных языков (На материале русского и болгарского языков)*, [в:] *Резюме докладов и письменных сообщений. IX Международный съезд славистов*, Москва 1983, с. 120.

³ В. Гладров, *Теоретические вопросы межъязыковой эквивалентности*, [в:] *Сопоставительное изучение немецкого и русского языков: грамматико-лексические аспекты*, Изд-во МГУ, Москва 1994, с. 5.

⁴ Р. М. Цейтлин, *Сопоставительная лексикология славянских языков X–XI–XIV–XV вв. (Проблемы и методы)*, [в:] *Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов, Киев, сентябрь 1983 г.*, Москва 1983, с. 294.

При этом немаловажным представляется и тот факт, на который справедливо обращает внимание В.Н. Ярцева, что релевантными для сопоставительных исследований являются, как правило, только те соответствия, которые можно определить относительно их места в системе конкретного языка, то есть которые в типизированных условиях характеризуются регулярно и обязательно выступающими языковыми средствами⁵.

В плане сказанного несомненный исследовательский интерес представляет такой обширный пласт общеславянской лексики, как цветообозначения, составляющий один из наиболее значительных фрагментов языковой концептуальной картины мира.

В рамках данной статьи рассматривается специфика системной соотнесенности русских и польских цветообозначений синего тона на примере основных компонентов их лексико-семантических микроструктур: русских лексем *синий*, *голубой* и их польских эквивалентов *błękitny*, *niebieski*.

Количественное соответствие реализаций, отобранных для анализа русских и польских прилагательных⁶, а также соответствие их словарных дефиниций (*błękitny*, *niebieski* в польско-русских словарях определяются как ‘голубой, светло-синий’) свидетельствуют, на первый взгляд, об их абсолютном сходстве. Однако между семантикой значения и семантикой как системным явлением имеются существенные различия. Так, каждое из рассматриваемых слов польской микросистемы не равно семантически ни русскому *голубой*, ни русскому *синий*, поскольку системные отношения, связывающие, с одной стороны, слова *голубой*, *синий*, а с другой – *błękitny*, *niebieski* – не адекватны. Для слов *синий*, *голубой* в их системной соотнесенности важно то, что они не тождественны степени своей семантической напряженности. Это достаточно отчетливо обнаруживается при сопоставлении, например, следующих есенинских текстов: „Васильками сердце светится, горит в нем бирюза, я играю на гармонике про *синие* глаза” (*Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...*) и „Только и было в нем, что волосы как ночь да глаза *голубые*, кроткие” (*Товарищ*); „...загораются, как зори, в *синем* небе купола” (*Микола*) и „И из лона *голубого*, Широко взмахнув веслом, Как яйцо, нам сбросит слово С проклевавшимся птенцом” (*Преображение*). Общая смысловая направленность приведенных

⁵ См.: В. Н. Ярцева, *Теория и практика сопоставительного исследования языков*, „Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.” Москва 1986, № 6.

⁶ От общего количества реализаций цветowych прилагательных со значением синего тона в исследованных текстах реализации русских лексем *синий*, *голубой* соответственно составляют 50% и 40%, польских *błękitny*, *niebieski* – 36% и 40%.

контекстов позволяет судить о том, что передаваемые через посредство слова *синий* зрительные впечатления свидетельствуют о цвете высокой степени тональной насыщенности и яркости; напротив, ощущением цветовой мягкости, сдержанности в выявлении указанных выше признаков характеризуются цветообразы, соотнесенные с лексемой *голубой*. Безусловно, мы готовы предположить, что именно такой подбор примеров может показаться случайным, поскольку в речевой практике нередки случаи предельного смыслового сближения данных лексем: известны позиции их взаимозаменяемости даже в рамках одного контекста (ср., например, у Солоухина: „Денек стоял на редкость: тихий, теплый, сделанный из золотого с *голубым* [...] Иногда в *синее* небо взвивалось сразу несколько шариков...”). И здесь же: „Небо по-прежнему было *голубое*, а солнышко красное”). Однако наши выводы не случайны, поскольку проведенный нами качественно-количественный анализ примеров употребления лексем *синий*, *голубой* в наиболее значительных произведениях русской классической и современной литературы позволяет утверждать, что именно отмеченные свойства лежат в основе их семантической противопоставленности как членов единой лексической парадигмы⁷. Объективность сделанных наблюдений наглядно подтверждается также диахроническим аспектом соответствующего исследования. Здесь немаловажным представляется то обстоятельство, что наиболее определившейся смысловой зоной реализации для слова *синий* искони являлась зона „водные пространства”, в частности подзона „море”. Такие реализации данного слова встречаются уже в текстах XI–XII вв.⁸ Осуществленные нами сплошные выборки целого ряда текстов, начиная с XVII в. и кончая произведениями современной русской литературы, свидетельствуют о том, что данная зона по отношению к слову *синий* остается наиболее характерной и для последующих этапов его семантического развития. Это явилось надежным источником индукцирования в семантической структуре данного слова, наряду с признаком тона, инвариантного признака „интенсивный”, регулярно проявляющегося в своих вариантных признаках „яркий”, „насыщенный”, „высокая степень цветового охвата”. Отмеченная семантика слова *синий* формировалась в непосредственной

⁷ См.: Р. В. Алимпиева, *Развитие смысловых отношений в лексико-семантической группе прилагательных синего тона в русском литературном языке (40–70-е гг. в.)*, [в:] *Исследования по исторической семантике: Сб. науч. тр.*, Калининград 1980; Р. В. Алимпиева, *Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке первой половины XIX в.*, [в:] *Вопросы семантики. Исследования по исторической семантике: Сб. науч. тр.*, Калининград 1982.

⁸ См.: Н. Б. Бахилина, *История цветообозначений в русском языке*, Москва 1975, с. 35.

соотнесенности с семантикой слова *голубой*⁹, для которого начиная с XVIII в. наиболее частотной становится соотнесенность с зоной „небо”, а следовательно, и соотнесенность с менее интенсивным (по сравнению с обобщенным цветовым представлением о море) синим цветом. Тенденция к закреплению за более интенсивными оттенками рассматриваемой тональности, характерная для слова *синий*, и тенденция к закреплению за менее интенсивными, но вместе с тем не переходящими в область разреженных и тусклых, оттенками данной тональности, свойственная слову *голубой*, обуславливают и специфику коннотативных возможностей данных слов: доминирующими коннотативными признаками первого становятся признаки „яркий”, „сильный”, второго – „ясный”, „ласковый”, „нежный”¹⁰. Последнее, как можно полагать, в значительной степени поддерживается этимологической и деривационной соотнесенностью лексемы *голубой* с лексемами *голубь*, *голубушка*, *приголубить* и т. п.

Иная основа выявляется в истории формирования семантических взаимоотношений польских лексем *blekitny* и *niebieski*. Лексема *blekitny* в польском языке появилась в XV в. как книжное заимствование из чешского языка, в свою очередь, восходящее к лат. *blanketus*, *blanchetus* – ‘светлое полотно’ (Сл. Брюкнера, ЭСПЯ, СС)¹¹. Получив в соответствии с этим определенную маркированность, она начинает функционировать в качестве средства литературного языка, постепенно закрепляясь за его различными жанрами, в том числе и за жанрами поэтической речи. Так, например, по данным *Словаря языка А. Мицкевича* (Сл. Мицкевича), случаи ее употребления в соответствующих текстах от общего количества употреблений цветовых лексем рассматриваемой ЛСГ составляют 33%, что более чем в четыре раза превышает процент реализаций здесь цветового ЛСВ лексемы *niebieski*, которая в этот период развития польского языка как цветообозначение находилась в стадии формирования. Находясь в тесной функциональной близости с жанрами поэтической речи, *blekitny* должно было получить наиболее активную системную соотнесенность со словом *lazurowy*. С ним его объединяла общность западноевропейского происхождения¹², сфер

⁹ Подробнее о семантическом развитии слов *голубой*, *синий* см. в наших вышеуказанных работах, а также: Р. В. Алимпиева, *Роль этнокультурного компонента в семантике слова*, „Acta Polono-Ruthenica”, Olsztyn 1996.

¹⁰ Данные признаки были выявлены в результате проведенного нами психолингвистического эксперимента. О методике его проведения см.: Р. В. Алимпиева, *Семантическая структура слова „белый”*, „Вопросы семантики: Сб. науч. тр. Ленингр. ун-т.”, Ленинград 1976, с. 13–27.

¹¹ Полные названия словарей см. в конце статьи.

¹² По данным Сл. Брюкнера, *lazurowy* – западноевропейское книжное заимствование XV века.

преимущественного функционирования, а следовательно, и индуцируемая этим общность коннотативного потенциала. В лексической системе польского языка, таким образом, появляются слова-дублиеты. Однако общеизвестно, что „существование слов, абсолютно идентичных во всех отношениях, неувлимо кратковременно. При такой идентичности одно из слов или исчезает [...] или между ними начинается дифференциация”¹³. В данном случае язык избирает второй путь. При этом начавшийся семантический процесс дифференциации получает отраженность прежде всего на стилистическом уровне: если лексема *lazurowy* продолжает сохранять свою особую маркированность (закрепленность за поэтической речью), то ее синоним *blekitny* начинает постепенно ее утрачивать. Но пока можно говорить лишь о количественных различиях: обе лексемы по-прежнему тяготеют к высокой книжной речи, разница, пожалуй, только в том, что у *lazurowy* данное свойство выявляется с большей отчетливостью и интенсивностью. Это, в частности, получает непосредственную отраженность в активной тенденции к употреблению в особо значимых (ключевых) ситуациях именно слова *lazurowy* (ср., например, тексты А. Мицкевича, Б. Пруса и др.). В свою очередь по отношению к слову *blekitny* возникшая семантическая оппозиция проявляется и в противоположной тенденции, обуславливающей его дальнейшее стилистическое снижение: по наблюдениям польского лингвиста А. Зарембы, данное слово утрачивает свой сугубо книжный характер и уже не является редкостью в речи молодых¹⁴.

Все это, как можно полагать, создает весьма благоприятные условия для установления системных отношений цветообозначения *blekitny* с формирующимся цветообозначением *niebieski*¹⁵. В этой новой лексической микросистеме семантически более сильным вполне закономерно оказывается ее член *blekitny*, что определяется не только его продолжающей сохраняться маркированностью, но и характером преимущественной зональной закрепленности. Так, наиболее регулярной зоной реализации слова *blekitny* становится зона „небо”. Как показывает проведенное нами исследование, случаи реализации данного слова в указанной тематической зоне, причем, как правило, в соотнесенности с представлением о дневном солнечном свете, в четыре раза превышают соответствующие реализации его синонима *niebieski*. Смысловая выразительность слова *blekitny* как

¹³ Ф. П. Филин, *Очерки по теории языкознания*, Москва 1982, с. 223.

¹⁴ А. Zareba, *Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego*, Wrocław 1954, s. 138.

¹⁵ В качестве цветообозначения данная лексема начинает функционировать сравнительно поздно: по данным Сл. Брюкнера, еще в XV–XVI вв. она известна лишь с исконным значением ‘небесный, неземной’.

члена рассматриваемой парадигмы во многом определяется и высокой частотностью его употребления при характеристике интенсивного огня и света (ср., например, у С. Лема: „Naraz błękitny brzask wypełnił wnętrze dwu klatek, spotężniał, rzucił na przeciwległą ścianę... i zagaśł” (*Szpital przemienienia*); „Żadnych zórz, żadnej miękkości świtu, horyzont obejmowała elektrycznie błękitna luna, pierwszy promień przeszedł przez pokój jak strzał...” (*Solaris*).

Иные цветовые оттенки в соответствующих ситуациях передает слово *niebieski*: они, как правило, лишены и масштабности распространения и повышенной цветовой яркости. Ср., например, у К. Галчинского: „*Niebieskim cyferblatem świecił z wieży zegar*” (*Mały koncert skrzypcowy*); „... gwiazdy w *niebieskich* bluzach wychodzą długim szeregiem” (*Śmierć Andersena*); „Porozwierał księżyc drogi wszystkie, porozkładał swój *niebieski* ogień” (*Sanie*).

Более низкая степень смысловой интенсивности слова *niebieski* по сравнению с *błękitny*, думается, не является случайной. Обращение к языковым фактам свидетельствует о том, что она предопределена исторически: первоначально, как отмечает Брюкнер, цветообозначение *niebieski* употреблялось весьма ограниченно: „*pierwotnie tylko chmury i mgły oznaczała*” (Сл. Брюкнера, с. 359), то есть употреблялось для характеристики таких реалий, которые абсолютно исключают интенсивное проявление света и цвета.

Проведенные наблюдения над спецификой системной соотносительности русских и польских цветовых лексем позволяют установить более высокую степень эквивалентности, с одной стороны, между лексемами *синий* – *błękitny* как семантически более интенсивными, с другой – между лексемами *голубой* – *niebieski* как менее интенсивными, что получает объективную отраженность в практике художественного перевода, проявляясь в тенденции к передаче более насыщенных и ярких цветовых ощущений, в оригинале преимущественно обозначаемых русским словом *синий*, через польское *błękitny* (или его дериват *błękit*). Ср.: „Вечером *синим*, вечером лунным Был я когда-то красивым и юным” (С. Есенин, *Вечером синим, вечером лунным...*) и „W nosy *błękitnej*, w gwiazdziej nosy Byłem przed laty młody kwiatnący” (пер. Й. Вачкова); „О Русь – малиновое поле И *синь*, упавшая в реку...” (С. Есенин, *Запели тесанные дороги...*) и „O Rusi, malowane pola, *Błękitnie* utopiony w rzekach...” (пер. Т. Монгирда); „... в ее глазах точно *синий* пламень горел...” (А. Фадеев, *Молодая гвардия*) и „...w jej oczach jak gdyby zapłonął *błękitny* płomień...” (пер. Л. Левина); „Очутился в знакомом тенистом садике, все с той же [...] многоствольной старой

акацией [...] такой неподвижной, будто она нашита на синее степное небо” (А. Фадеев, *Молодая гвардия*) и „...takim nieruchomym, jak gdyby było wyszyte na błękitnym sterowym niebie” (пер. Л. Левина).

Отмеченная смысловая соотнесенность польской лексемы *błękitny* с русской *синий* актуализируется и их положением в структуре соответственно польской и русской ЛСГ. Русская лексема *синий* является признанной доминантой ЛСГ, польская *błękitny* активно стремится ею стать¹⁶. Последнее обнаруживается не только в случаях реализации данной польской лексемы в стилистически нейтральных текстах (ср., например, в *Солярисе* С. Лема: „Chcesz może wziąć kąpiel?.. błękitne drzwi, po przeciwnej stronie”), но и при возможном ее использовании в качестве средства передачи оттенков собственно синего цвета (ср., например, специфику перевода на польский язык следующего есенинского текста: „Ревут валы, Поет гроза! Из синей мглы Горят глаза” (*Товарищ*) – „W błękitnej mgle płonący wzrok”, пер. Т. Мангирда).

Отмеченное семантическое движение лексемы *błękitny* в сферу функционирования цветообозначений собственно синего тона получает весьма четкую отраженность и в польских искусствоведческих работах. Так, в книге К. Zawanowskiego *El Greco* (Warszawa 1976) во всех случаях при указании на обобщенное представление о синем цвете (кроме темно-синего, переходящего в черный) используется слово *błękitny* или его дериват *błękit*. Ср., например, следующие контексты при описании картины *Sen Filipa II* (*Видение Филиппа II*): „Jest to jedyna czarna plama wśród feerii tonów błękitnych i czerwonych”, „Przeważają w nim żółcienie, błękity”.

Приведенные примеры приобретают еще большую убедительность, если принять во внимание тот факт, что в известной нам русской искусствоведческой работе о творчестве того же художника (Т. Каптерова, *Эль Греко. Монографический очерк*, Москва 1965) при описании ряда аналогичных полотен в соответствии с группой *błękit* реализуется лексема *синий*. Ср., например, следующий русский текст и его соответствие в вышеназванной книге К. Завановского: „...с акцентом бело-серебряных, желтых, серых, синих и красных тонов” – „...zestrojeniu czerwieni i błękitu, żółcieni i zagaszanej bieli”.

¹⁶ Следует отметить, что ЛСГ цветовых лексем со значением синего тона в польском языке в силу ряда причин утратила свою доминанту. В настоящее время ни один из ее членов не может в полной мере претендовать на данную роль, в том числе и ее наиболее частотные члены *błękitny*, *niebieski*: первому мешает занять место доминанты не до конца преодоленная маркированность, второму – живая внутренняя форма, хотя движение к центру характерно для них обоих.

В свою очередь о наличии особой семантической близости между русской цветовой лексемой *голубой* и польской *niebieski*, помимо отмеченного выше, свидетельствует и то, что обе они поставлены в системные условия, почти исключая появление у них эмотивной окраски, определяемой коннотатами „величественный”, „тождественный”. Тем самым как русская лексема *голубой*, так и польская *niebieski* оказываются внутренне подготовленными к выражению противоположного эмоционального настроения, соответствующего интимной, камерной интонации. Последнее получает выражение во многих современных, причем не только поэтических, но и прозаических польских произведениях. Так, например, в *Солярице* С. Лема одним из наиболее частотных цветовых слов является *błękitny*. Именно через посредство данного слова в подавляющем большинстве случаев передается ощущение беспощадного, тревожного, страшного по своей силе и яркости синего солнца чужой планеты. Но когда герои романа мечтают о прекрасной, голубой планете Земля, связанной у них с сокровенными воспоминаниями о родине и отчем доме, автор, стремясь психологически точно передать соответствующее состояние героев, вполне оправданно употребляет вместо слова *błękitny* его синоним *niebieski*. Ср.: „...mówiliśmy dużo o tym, jak będzie-my żyć na Ziemi, jak osiedlimy się gdzieś pod wielkim miastem i nigdy już nie porzucimy *niebieskiego* nieba i zielonych drzew...”. Правда, слово *niebieski* пока еще не получило той экспрессивно-образной выразительности, какой характеризуется русская лексема *голубой*, но соответствующее семантическое преобразование данного слова уже, бесспорно, началось, чего нельзя не учитывать, говоря о перспективах его дальнейшего семантического развития.

Итак, системные отношения рассмотренных русских и польских лексем создают прочную основу для полноценного и в то же время семантически оправданного (не избыточного) функционирования каждой из них в соответствующей языковой системе.

Системные отношения в лексико-семантических группах, принадлежащих различным, в частности различным славянским языкам, неповторимы, как неповторим сам язык и народ, его создающий. Поэтому любое семантическое изучение русских лексем в сопоставлении с их эквивалентами в других славянских языках, способствуя установлению типологических черт в характере системных отношений тех и других, вместе с тем позволяет выявить и специфику семантической эволюции каждой из сопоставляемых лексико-семантических парадигм, в том числе и парадигм, в которые входят русские лексемы *синий*, *голубой* и польские – *błękitny*, *niebieski*.

Список сокращений

- Сл. Брюкнера – А. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1970.
- Сл. Мицкевича – *Słownik języka Adama Mickiewicza*, t. 1-8, Wrocław–Warszawa–Kraków 1962–1974.
- СС – *Słownik staropolski*, t. 1, Polska Akademia Nauk, Warszawa 1953–1955.
- ЭСЛЯ – *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1970.

Streszczenie

Niniejszy artykuł poświęcony jest rozpatrzeniu właściwości systemowej korelatywności podstawowych komponentów rosyjskiego i polskiego paradygmatu lekсыkalno-semantycznego leksemów określających odcienie koloru niebieskiego, a mianowicie ros. *синий* – *голубой* i pol. *błękitny* – *niebieski*. Określa się stopień ich tożsamości znaczeniowej, ustala właściwe cechy konotacyjne. Przeprowadzone badania ujawniły bardziej ścisłe stosunki systemowe pomiędzy ros. *синий* i pol. *бłękitny* jako bardziej aktywne pod względem semantycznym oraz między ros. *голубой* i pol. *niebieski* jako mniej aktywne pod względem semantycznym. Znajduje to odzwierciedlenie w tłumaczeniach literatury pięknej.

Summary

*The role of system analysis in the establishing of interlingual lexical equivalence
(on the material of blue colour indications in Russian and Polish)*

The present article is devoted to analyzing the system correlativity of property concerning the basic components of the Russian and Polish lexical-semantic paradigm determining the shades of blue, namely of the Russian *sinij* – *goluboj* and the Polish *błękitny* – *niebieski*. Determined is the level of their semantic identity, established are the appropriate connotative features. The research conducted revealed all the closer relations between the Russian *sinij* and the Polish *błękitny* as more active semantically and between the Russian *goluboj* and the Polish *niebieski* as less active from the semantic point of view. The above mentioned phenomenon is reflected in the translation of literature.